

УДК 316.344.5-051

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В. М. ОСТРОГА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный технологический университет, ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

Отмечено, что к середине XIX в. правительственная политика в сфере народного образования России не соответствовала назревшим потребностям социально-экономического и культурного развития страны. Школьная реформа 1864 г. дала толчок для модернизации существовавшей системы просвещения, остро поставив на повестку дня проблему обеспечения учебных заведений всех типов квалифицированными педагогическими кадрами. Социальный статус преподавателей средних учебных заведений определяла широкая нормативно-правовая база, которая устанавливала круг прав и обязанностей учащего (законы, указы, постановления, распоряжения, циркуляры, уставы, инструкции и т. д.), а также определяла уровень материального дохода – степень обеспеченности жизни и достатка, показатель престижа и положения в обществе представителей этой интеллигентной профессии. Рассмотрено социально-правовое положение преподавателей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Осуществлен сравнительный анализ статуса учителей средних и начальных учебных заведений.

Ключевые слова: учительская интеллигенция; учебный округ; средние учебные заведения; гимназии; реальные училища; социально-правовой статус; учебно-воспитательный процесс.

САЦЫЯЛЬНА-ПРАВОВАЕ СТАНОВІШЧА НАСТАЎНІКАЎ СЯРЭДНІХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

В. М. АСТРОГА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт, вул. Свардлова, 13а, 220006, г. Мінск, Беларусь

Адзначана, што да сярэдзіны XIX ст. урадавая палітыка ў сферы народнай адукацыі Расіі не адпавядала наспелым патрэбам сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця краіны. Школьная рэформа 1864 г. дала штуршок мадэрнізацыі існуючай сістэмы асветы, востра паставіўшы на парадак дня праблему забеспячэння навучальных устаноў усіх тыпаў кваліфікаванымі педагогічнымі кадрамі. Сацыяльны статус выкладчыкаў сярэдніх навучальных устаноў вызначала шырокая нарматыўна-прававая база, якая акрэслівала кола правоў і абавязкаў настаўнікаў (законы, указы, пастановы, распараджэнні, циркуляры, статуты, інструкцыі і г. д.), а таксама вызначала ўзровень матэрыяльнага даходу – ступень забяспечанасці жыцця і дастатку, паказчык прэстыжу і становішча ў грамадстве прадстаўнікоў гэтай інтэлігентнай прафесіі. Разгледжана сацыяльна-прававое становішча выкладчыкаў сярэдніх навучальных устаноў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Праведзены параўнальны аналіз статусу настаўнікаў сярэдніх і пачатковых навучальных устаноў.

Ключавыя словы: настаўніцкая інтэлігенцыя; вучэбная акруга; сярэднія навучальныя ўстановы; гімназіі; рэальныя вучылішчы; сацыяльна-прававы статус; вучэбна-выхаваўчы працэс.

Образец цитирования:

Острога ВМ. Социально-правовое положение учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;1:57–66.

For citation:

Astroha VM. Social and legal status of teachers of secondary schools in Belarus in the second half of XIX – early XX century. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;1:57–66. Russian.

Автор:

Валентина Михайловна Острога – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси и политологии.

Author:

Valiantsina. M. Astroha, PhD (history), docent; associate professor at the department of history and political science. ostroga.v@mail.ru

SOCIAL AND LEGAL STATUS OF TEACHERS OF SECONDARY SCHOOLS IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

V. M. ASTROHA^a

^aBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

By the middle of the XIX century the government policy in the sphere of public education of Russia did not meet the urgent needs of socio-economic and cultural development of the country. School reform in 1864 gave impetus to the modernization of the existing education system, putting on the agenda the problem of providing educational institutions of all types of qualified teaching staff. The social status of teachers in secondary schools was determined by a broad legal framework, which established the range of rights and duties of the «student» (laws, decrees, orders, circulars, statutes, instructions, etc.), as well as the level of material income – the degree of security of life and wealth, an indicator of the prestige and position in society of representatives of this intelligent profession.

Key words: teacher intelligentsia; educational district; secondary schools; gymnasiums; real schools; social and legal status; educational process.

Введение

Буржуазные реформы 1860–70-х гг. способствовали вступлению России в стадию капиталистической модернизации, изменив в определенной степени и социальную структуру населения. Заметно возросла численность представителей интеллектуального труда – интеллигенции, значительную часть которой составляло учительство. Средняя школа во второй половине XIX – начале XX в. находилась в эпицентре многих процессов в Российской империи. Именно педагог реализовывал официальную образовательно-воспитательную политику, от эффективности которой во многом зависело будущее государства. Известный православный деятель И. Корчинский отмечал: «Но, какие бы цели не ставились школе, они не будут достигнуты, если личность учителя не будет соответствовать этим целям» и если учитель («душа школы») не займет надлежащего и достойного места в обществе [1, с. 1]. Поэтому обращение к проблеме социально-правового положения учительства в рассматриваемый период восполнит пробел в изучении существовавших условий жизни и труда работников образовательной сферы. Именно правовой статус личности до сих пор остается одним из определяющих показателей уровня демократизации общества, степени защиты человека и его уверенности в будущем.

Неслучайно история школы и образования активно исследовалась долгое время. Дореволюционные авторы (И. Корнилов, Г. Фальборк, А. Белецкий, А. Миловидов и др.) занимались преимущественно изучением общих вопросов организации учебной деятельности и мероприятий в государстве. В советский период начинается более интенсивное исследование истории учительства. Значительное внимание уделялось участию педагогов в общественно-политическом движении, пробле-

мам подготовки кадров, социальному положению (В. Р. Лейкина-Свирская, Б. К. Тебиев, А. И. Кравцов, З. А. Пастухова и др.). Большой интерес представляют труды современных российских и белорусских исследователей (И. В. Сучков, И. В. Зубков, М. В. Егорова, С. В. Снапковская, Е. Л. Евдокимова и др.), которые обращаются к вопросам социального и духовного облика учительства, повседневной жизни преподавателей гимназий и реальных училищ, участия в научной и общественной деятельности и др. Вместе с тем до настоящего времени изучены далеко не все аспекты правового и социального статуса учителя средней школы, а также эволюции законодательства в этой сфере.

Источниковую базу настоящего исследования составляют опубликованные и архивные документы и материалы, разнообразные по содержанию и характеру. Широко используются законодательные акты Российской империи, представленные в первую очередь в сборниках «Свод законов Российской империи», «Настольные книги по народному образованию», «Сборники постановлений и распоряжений». Важное значение имеют материалы официального делопроизводства (положения, циркуляры, инструкции, предписания, уставы, правила, ходатайства). Ценными источниками являются также статистические материалы, особенно «Отчеты о состоянии учебных заведений Виленского учебного округа», а также периодическая печать (официальный журнал «Циркуляр по Виленскому учебному округу»).

Методологической основой послужили фундаментальные принципы исторического познания: научной достоверности и объективности, историзма, детерминизма, системного и конкретного подходов к изучению указанной проблемы. Комплексно применялись как общенаучные методы

исследования (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция, типологии), так и специально-исторические (историко-хронологический) использовался для изучения на основе временной последовательности развития нормативно-правовой базы, определявшей социально-правовой ста-

тус учительства; конкретно-исторический – для раскрытия основного содержания законодательных актов; историко-системный – при раскрытии многомерности воплощаемых социальных ролей учительства; количественный – при анализе статистических данных и др.).

Основная часть

В рассматриваемый период на территории современной Беларуси, которая входила в состав Российской империи, не было единой средней общеобразовательной школы. Главными типами являлись мужские гимназии, мужские реальные училища и женские гимназии. Неполное среднее образование давалось в мужских и женских прогимназиях. В 1880 г. в Беларуси действовало восемь гимназий и пять прогимназий, а общее число служащих, включая преподавателей, составляло 292 человека. В 1871–1872 гг. реальные гимназии были преобразованы в реальные училища, в 1888 г. они приобрели статус общеобразовательных средних учебных заведений. С начала XX в. значительно увеличилась численность государственных и частных средних учебных заведений, как мужских, так и женских. В 1914 г. в Виленском учебном округе работала 31 мужская гимназия (731 служащий), 42 женские гимназии (1147 служащих) и 11 реальных училищ (280 служащих)¹.

Законодательные основы деятельности средней школы были заложены в 1870-х гг. Истоки правового положения преподавателей гимназий, прогимназий и реальных училищ также возникли в этот период.

Согласно уставам педагогические коллективы средних учебных заведений состояли из директоров мужских гимназий (прогимназий), директоров реальных училищ или начальниц женских гимназий (прогимназий), а также инспекторов, учителей-предметников, классных наставников (надзирателей) или классных дам. Закон четко фиксировал их права и обязанности. Директора и инспекторы избирались попечителем Виленского учебного округа, директоров утверждал министр народного просвещения. Это были лица, «приобретшие ученую степень в одном из высших учебных заведений империи и обратившие на себя внимание службою по учебной части». Главная обязанность директора состояла «в надзоре за ходом учебно-воспитательного процесса, хозяйственной частью, внешним порядком, а также за точным исполнением всех постановлений и распоряжений учеб-

ного начальства. Инспектор являлся помощником директора по учебной и воспитательной части, а в случае отсутствия последнего инспектору полностью переходили его функциональные обязанности. В прогимназии он имел одинаковые права и обязанности наравне с директором и подчинялся непосредственно попечителю округа»².

К кандидатам на должность учителя средней школы предъявлялись различные требования. Вместе с тем в рассматриваемый период в Беларуси не было ни одного учебного заведения для специальной подготовки преподавателей средней школы. Право преподавания в мужских гимназиях и реальных училищах имели лица с высшим образованием – с «одобрительными аттестатами» об окончании полного университетского курса и выдержавшие установленное на звание учителя гимназии испытание». Учителями немецкого и французского языков могли быть и лица со средним образованием, но «выдержавшие особое испытание на звание учителей новых языков в гимназии и достаточно знающие русский язык». Таким образом, кандидаты должны были успешно выдержать экзамен на звание учителя гимназии на профильных факультетах университетов и провести два пробных урока³.

К службе по учебной части при наличии соответствующего образовательного ценза допускались также «лица бывших податных сословий». Но, поскольку средние учебные заведения были созданы в основном для состоятельных слоев населения, должное внимание обращалось не только на образовательный ценз учителей, но и на их социальное происхождение. В отличие от учителей начальной народной школы, в основном выходцев из среды крестьян и мещан, преподаватели средней школы происходили главным образом из дворян и зажиточных слоев городской буржуазии, которые могли обеспечить своих детей должным образованием и воспитанием. Также для работы в эти учебные заведения допускались и иностранные подданные, имеющие звание учителей и учительниц гимназий. Они пользовались всеми правами государственной

¹ Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1914 г. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1915.

² Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 3 июля 1871 г. // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1893. Т. 11, ч. 1 : Свод уставов учебных и ученых заведений ведомства МНП. С. 242 ; здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – В. О.

³ О мужских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения // Там же. С. 243.

службы наравне с русскими подданными и могли без препятствий работать во всех типах средних учебных заведений.

Во второй половине XIX в. женщины имели право преподавать только в младших классах женских гимназий. Высочайшим повелением от 1871 г. предписывалось «поощрять женщин на поприще воспитательном, где они уже ныне занимают должности учительниц в начальных школах и нижних классах женских гимназий» и «расширять еще круг их деятельности на этом поприще». Только в 1901 г. было решено «допускать к преподаванию в старших классах женских гимназий по всем предметам лиц женского пола, окончивших высшие женские курсы», а также учительниц иностранных языков, имеющих звание домашних наставниц или учительниц по немецкому или французскому языкам⁴. Уравнению с мужчинами в праве занимать должности учителей средней школы способствовало как расширение сети средних учебных заведений и появление новых вакансий, так и повышение социального статуса женщины. В 1911 г. женщинам предоставлялась возможность приобретать путем сдачи экзаменов в объеме курса высшего учебного заведения звание учительницы средних учебных заведений, которое давало право преподавать любые предметы во всех классах мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ. Они также имели право на оплачиваемый декретный отпуск (до 2 месяцев) и, если это было необходимо, дополнительный «без содержания». Однако возникали различные мнения относительно замужества учительницы и в связи с этим ее возможности продолжать работать, хотя в нормативной базе никаких ограничений не было. Циркуляром от 28 августа 1880 г. Министерство народного просвещения Российской империи сообщило, что замужество не может лишать учительницу приобретенных ею образованием прав, но если «в отдельных случаях семейные обязанности препятствуют какой-либо учительнице с успехом исполнять прежние обязанности ее по службе, то вопрос об оставлении ее при гимназии должен быть решен для каждого случая отдельно» [2, с. 29]. Следует подчеркнуть, что во многих округах Российской империи существовала практика контролировать личную жизнь не только учительниц, но и учителей: например, следовало доносить учебному начальству о намерении вступить в брак, в некоторых случаях необходимо было получить на это особое разрешение.

Помимо основной обязанности – проведения учебных занятий по предметам – учителя про-

водили значительную учебно-организационную и воспитательную работу. Для более верного и всестороннего обсуждения вопросов, относящихся преимущественно к учебной и воспитательной части, раз в месяц собирался педагогический совет. В его состав входили директор (начальница), инспектор, законоучитель, все штатные и сверхштатные преподаватели, надзиратели, причем все участники обладали правом голоса, а решение принималось большинством голосов. На плечи классных наставников падала основная тяжесть внеклассной работы – надзор за подопечными во внеурочное время, включая дежурства в пансионах и общественных местах.

При определении преподавателя на службу требовалось предоставить свидетельство «о политической и нравственной благонадежности». Политическая благонадежность – расплывчатая категория, но в целом она подразумевала отсутствие настоящих фактов в биографии преподавателя, позволяющих сомневаться в его лояльности к существующему политическому режиму. Особенно остро эта проблема проявила себя в период народнического движения, когда некоторые учителя включались в ряды тех, кто распространял антимонархические революционные идеи. Нравственная благонадежность означала в первую очередь религиозность и пристойный образ жизни. Запросы о возможности назначить учителя на должность направлялись в канцелярии местных губернаторов: «В случае... несогласия губернатора определение или перемещение не может состояться, а губернатор... доводит об этом тотчас до сведения министра»⁵. Например, в 1909 г. такое свидетельство от губернатора было направлено директору Мстиславской мужской гимназии, в котором указывалось, что учитель И. К. Зоптов «во время проживания в Могилевской губернии как в нравственном, так и в политическом отношении ни в чем предосудительном замечен не был»⁶. Однако совершенно иная информация имела об учительнице С. С. Семполовской, которая «неоднократно принимала участие в революционных кружках Привислянского края», поэтому «не должна быть допускаема ни в одно учебное заведение ведомства МНП»⁷.

Согласно закону «по вступлении в службу каждый должен быть приведен к присяге на верность оной». Так, текст клятвенного обещания, которое давали учителя Могилевской мужской гимназии им. Императора Александра I Виленского учебного округа в 1875 г., содержал обязанность «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться,

⁴О допущении лиц женского пола к преподаванию в старших классах женских гимназий и прогимназий и в городских и уездных училищах // Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 годы / сост. Д. Кузьменко. 1-е изд. Смоленск, 1904. С. 24, 68.

⁵О губернаторах // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1892. Т. 2 : Свод губернских учреждений. Ст. 286.

⁶О производстве испытаний на звание учителя // НИАБ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 10.

⁷Циркуляры Дирекции народных училищ // НИАБ. Ф. 2266. Оп. 1. Д. 10. Л. 339.

не щадя живота своего до последней капли крови... себя вести и поступать как верному его Императорского Величества подданному благопристойно»⁸. Директора гимназий и реальных училищ обязаны были следить за тем, чтобы в их учебных заведениях существовала только государственная точка зрения на все возникающие вопросы. Учителя, как правило, строго следовали всем положениям инструкций и указаниям учебного начальства. Преподавателям запрещалась любая критика системы образования, общественного и политического устройства, строго пресекалось и подавлялось любое проявление самостоятельности (выбор учебников и пособий, отступление от учебных программ) и инакомыслия. Так, например, публичные выступления и статьи в периодических изданиях под авторством учителей должны были «спокойно» рассматривать вопросы «исключительно педагогической стороны дела»: «Служащим чиновникам запрещается издавать в свет сочинения, заключающие в себе что-либо, касающееся до внешних и внутренних отношений Российского Государства, без дозволения своих начальств... Каждый учитель обязан добросовестно вести порученное ему дело и находить награду для себя в сознании исполненного долга; ему нет надобности искать поддержки журналов» [3, с. 800–809]. Этим объясняется формализм в учебно-воспитательном процессе, отсутствие живой и творческой обстановки, подавление личности ученика, жесткая требовательность, сухость и безразличие во взаимоотношениях учителей и учащихся.

Во время определения на службу все учителя давали «подписки», в которых указывалось, что авторы «не принадлежат ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, и что впредь к оным принадлежать не будут». Распоряжением от 14 сентября 1906 г. Совет министров запретил «всякое участие в политических партиях, обществах и союзах, не только явно революционных, но и таких, которые, хотя и не причисляют себя открыто к революционным, тем не менее, в программах своих, в воззваниях своих вожаков и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к таковой борьбе население»⁹. Поэтому учителей, которые состояли в антиправительственных объединениях и вели пропаганду революционных идей, немедленно увольняли со службы, против них возбуждалось судебное преследование. Конечно, в среде учащихся были представители широкого спектра общественно-политических идеологий (консерватизм, либерализм, социализм), но в основном учительство было апо-

литично, проправительственно настроено. На рубеже XIX–XX вв. общественно-педагогическая деятельность становится либеральной. Либерализм учителей проявлялся в их стремлении освободить школу от рутины, сделать ее более самостоятельной, внедрить передовой опыт Запада [4, с. 71].

Определение на службу в средние учебные заведения Министерства народного просвещения Российской империи осуществлял попечитель Виленского учебного округа («по собственному избранию или по представлению начальников заведений»). Утверждение в должностях помощников классных наставников было предоставлено директорам гимназий или реальных училищ, от них же зависело «определение лиц, обучающихся по найму» – учителей пения и гимнастики. Во власти учебного начальства были переводы «для пользы дела» учащихся из одного учебного заведения округа в другое как мера дисциплинарного наказания или поощрения. В исключительных случаях педагогов могли уволить со службы незамедлительно, даже в середине учебного года, причем без объяснения причин. Однозначно поводом могла служить причастность к политической антиправительственной деятельности, аморальное поведение, а также профессиональная некомпетентность.

По российскому законодательству штатные преподаватели казенных мужских и женских гимназий находились на государственной службе и пользовались всеми ее преимуществами, которых были лишены внештатные преподаватели («исправляющие должности учителя... предмета» в случае «неимения кандидатов на занятие вакантной преподавательской должности») казенных учебных заведений и женщины (они работали «из платы по найму»), а также большинство учителей женских гимназий со средним образованием. По своим чинам и правам на награды штатные педагоги гимназий и реальных училищ относились к среднему чиновничеству. Каждая должность соответствовала определенному чину. Все находящиеся на государственной службе имели определенный класс, который присуждался за выслугу лет. Должность штатного учителя гимназии и реального училища соответствовала восьмому классу по Табели о рангах (коллежский асессор); учителей, работающих по найму (рисования, чистописания и гимнастики), – девятому классу (титularный советник); инспектора – шестому классу (коллежский советник); директора – пятому классу (статский советник). В чине, соответствующем должности, директор утверждался после девяти лет работы на этой должности, а инспектор – после четырех лет (если при поступлении на работу не имел его).

⁸Клятвенные обещания на верность службе преподавателей гимназии // НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

⁹Постановления и распоряжения, касающиеся должностных и служащих лиц в обществах, союзах, партиях и собраниях // Учительский календарь-справочник на 1911–1912 учебный год. Петербург; Киев: Сотрудник, 1912. Ч. 2. 706 с.

Через четыре года «беспорочной службы» предполагалось очередное чинопроизводство, причем учителя, оставаясь на своей должности, могли быть произведены тремя чинами выше класса занимаемой должности¹⁰. Так, указом Правительствующего сената от 16 июня 1880 г. по Виленскому учебному округу были «произведены за выслугу лет» в коллежские советники инспектор Виленской гимназии Ю. Шокальский (с 1876 г.), в коллежские ассесоры – учителя Минской гимназии И. Даляк (с 1875 г.), Могилёвской гимназии Н. Тыминский и В. Роменский (с 1875 г.), Ф. Кленце (с 1874 г.), Гомельской шестиклассной прогимназии П. Савич (с 1875 г.), Виленского реального училища А. Вруцевич (с 1876 г.)¹¹. За хорошую службу и заслуги перед отечеством, а также за выслугу полагались определенные награды: объявление Высочайшего Его Императорского Величества благодарности и благоволения, очередной чин, орден, аренда (земли, недвижимости), подарки от Высочайшего Его Императорского Величества имени, единовременные денежные выдачи, звание личного или потомственного гражданина, медали, кафтаны, предоставление прав государственной службы и др. Предоставлять к наградам имели право только вышестоящие начальники с формулировкой «за выдающиеся отличия» или просто «за отличия». Через определенное время службы учителя средних учебных заведений награждались орденами. Устанавливалась следующая очередность: ордена Святого Станислава 3-й степени, Святой Анны 3-й степени, Святого Станислава 2-й степени, Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени, Святого Владимира 3-й степени, затем ордена Святого Станислава и Святой Анны 1-х степеней и т. д. Устанавливался минимальный трехлетний срок получения наград, причем к первой из них до истечения трех лет со времени первоначального вступления в службу. Так, орденом Святой Анны 3-й степени могли быть награждены учащие, «беспорочно и с постоянным одобрением начальства, прослужившие 12 лет сряду в одной и той же должности не ниже VIII класса», а орденом Святого Владимира 4-й степени – «прослужившие беспорочно 35 лет, считая сей срок от получения первого классного чина» [5, с. 791–792, 941–943]. Учительницы имели право на награждение золотыми и серебряными медалями на Станиславской и Аннинской ленте; «из числа сих лиц те,

кои принадлежат к дворянскому сословию, представляются прямо к золотой нагрудной медали на Аннинской ленте»¹².

Штатные преподаватели гимназий и реальных училищ были обязаны носить ведомственную форменную одежду, указывающую на социально-профессиональную принадлежность учителя. Для лиц, занимающих должности VII и ниже классов, «парадную, праздничную, а также и особую формы составляли: открытый двубортный темно-синий сюртук с отложенным воротником, темно-синие брюки без галунов и без цветного канта, белый жилет, треугольная шляпа, шпага гражданского образца, черный шелковый узкий галстук, завязывающийся спереди малым бантом, белые замшевые перчатки, ордена и знаки отличия»¹³. Во второй половине XIX в. строгой регламентации для женской одежды не существовало. В 1900 г. министром народного просвещения было высказано предложение о «ношении при исполнении служебных обязанностей платьев синего цвета, причем особого покроя для таковых платьев не требуется»¹⁴.

Преподаватели имели право на оплачиваемые отпуска. Существующим вакантным временем каждый мог распоряжаться по своему усмотрению, в отношении отлучек на это время не применялись правила об отпусках. Разрешение на отпуск давали в период учебного времени сроком до 30 дней по уважительным причинам директорами учебных заведений (об этом также сообщалось и попечителю округа). Такого понятия, как бюллетень, для больного учителя не существовало. Вместе с тем любое обращение с просьбой оказания помощи для лечения, поездки в санаторий или кумысолечебницу в пределах империи удовлетворялось за счет средств учебных заведений. Заграничные же отпуска предоставлялись лично министром. Уволенный в отпуск получал от начальства установленной формы билет, где указывались чин, имя, фамилия, должность, место, куда отпускник направлялся, и срок, в течение которого билет являлся действительным. Вместе с увольнительным билетом выдавался и паспорт. Неявка в срок без законных оправданий влекла за собой вычет из содержания за просроченное время [6, с. 81–815].

Чины полиции и судьи требовали от директоров средних учебных заведений или от попечителей учебных округов командирования в распоряжение

¹⁰Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 3 июля 1871 г. // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1893. Т. 11, ч. 1 : Свод уставов учеб. и учен. заведений ведомства МНП. С. 287–288.

¹¹Указ правительствующего сената // Циркуляр по Виленскому учебному округу. № 8. С. 294.

¹²Положение о форменной одежде для чинов ведомства Министерства народного просвещения. 30 октября 1897. // Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 гг. / сост. Д. Кузьменко. 1-е изд. Смоленск, 1904. С. 80.

¹³Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства народного просвещения // Календарь для учителей на 1905–06 уч. г. / сост. Ф. Ф. Гельбке. СПб., 1905. С. 264–275.

¹⁴О форменной одежде для лиц женского пола, служащих в женских гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения. 28 февраля 1900 // Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1903 гг. / сост. Д. Кузьменко. 1-е изд. Смоленск, 1904. С. 89.

учителей в качестве переводчиков или экспертов. Наиболее частыми были вызовы преподавателей чистописания и рисования, которые «сличали почерки» бумаг, приобщенных в качестве улики к следствию. Преподаватели иностранных языков осуществляли синхронный перевод показаний иностранных подданных в суде. Также учителя средних школ широко привлекались к работе судов в качестве присяжных заседателей, при уклонении от выполнения этой обязанности им угрожал крупный штраф [7, с. 267]. Годовые отчеты средних учебных заведений подтверждают факт пропуска занятий преподавателей по уважительным причинам: по болезни и «по случаю исполнения преподавателями обязанностей присяжных заседателей в сессиях окружных судов».

В отношении воинской повинности учителя средних учебных заведений имели льготы: «...освобождаются от действительной службы в мирное время и зачисляются в запас армии на 18 лет» [8, с. 582–583]. Однако первые пять лет после зачисления в запас учащие обязаны были ежегодно представлять «в подлежащее о воинской повинности Присутствие удостоверение их начальства в том, что они не оставили соответствующих их званию занятий» [8, с. 582–583]. В годы Первой мировой войны большинство внештатных преподавателей гимназий и реальных училищ, как и учителя начальной школы, призывались в армию, в то время как штатные продолжали трудиться. Всего в Виленском учебном округе за 1914 г. было мобилизовано 49 преподавателей средних учебных заведений. Так, в начале войны из витебской Частной мужской гимназии И. Р. Неруша на действительную военную службу был призван преподаватель математики И. Успенский и два служителя гимназии. Члены их семей на основании Высочайше утвержденного постановления от 9 августа 1914 г. получили право на содержание, которое приравнивалось к жалованью кормильцев в мирное время. Учителя, согласно закону, на время нахождения в армии оставляли за собой должности и имели право занять их снова при увольнении, а также право на зачет времени, проведенного на военной службе, в срок выслуги пятилетних прибавок¹⁵.

В целях привлечения в западные губернии чиновников, священников и учителей из Центральной России специальным положением от 1896 г. правительство ввело льготы и привилегии гражданской службы: лица, занимавшие должности от

XIV до VIII класса включительно, включая служащих духовно-учебных заведений, канцелярий попечителей учебных округов, учебных учреждений Министерства народного просвещения и дирекций народных училищ. Смотрители и учителя городских и уездных училищ получали к окладам надбавку 120 %¹⁶. При первоначальном определении на службу в учебные заведения (которые содержались как за счет казны, так и на средства земств, городов, обществ и частных лиц) учителя имели право на пособие, которое заключалось, во-первых, в выдаче «третьего не в зачет жалованья» из государственного казначейства; во-вторых, в выдаче из казны «прогонных денег на всякое расстояние на две лошади» [9, с. 736].

В средних учебных заведениях доходы штатных учителей состояли из фиксированных окладов за преподавание 12 уроков в неделю (учителя рисования – за 15 уроков) и оплаты преподавания дополнительных уроков. Зарплата включала в себя также вознаграждение за исполнение дополнительных обязанностей, различные прибавки и пенсии. В средних учебных заведениях существовало четыре разряда годовых окладов в зависимости от срока службы. В каждой гимназии и реальном училище к первому разряду относились четыре учителя с окладами 750 руб. в год, ко второму – пять учителей с окладами по 900 руб. в год, к третьему и четвертому – по одному учителю с окладами в 1250 и 1500 руб. в год. Низший оклад назначался молодому специалисту, который имел стаж менее 5 лет. Повышение окладов производилось при открытии соответствующих вакансий по старшинству учебной службы «за продолжительную, полезную и ревностную деятельность, преимущественно в одном и том же учебном заведении»¹⁷. Учителя, получавшие высший оклад, носили звание «заслуженный учитель». Штатами прогимназий высший оклад не предусматривался (существовало три разряда), поэтому максимальная зарплата составляла 1250 руб. в год за 12 уроков в неделю. В частных средних учебных заведениях оклады учителей были ниже по сравнению с зарплатами коллег, работающих в правительственных гимназиях. Например, в 1914 г. ни один штатный преподаватель государственной Могилевской мужской гимназии не получал меньше 2500 руб. в год (в списке значатся оклады в размере 3100, 3250, 3350, 3500 руб.). Директор И. В. Свирелин (действительный статский советник) зарабатывал 3900 руб. в год

¹⁵Наряд отношениям Министерства народного просвещения о выдаче пособия семьям учителей, призванных на фронт // НИАБ. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

¹⁶Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдельных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. Изд. 1896. // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1899. Т. 3 : Свод уставов о службе граждан. Кн. 3. С. 198.

¹⁷О реальных училищах ведомства Министерства Народного Просвещения. 1872 г. // Там же. Т. 11, ч. 1 : Свод уставов учеб. и учен. заведений ведомства МНП. С. 278.

«при готовой квартире»¹⁸. Для сравнения: в витебской Частной мужской гимназии И. Р. Неруша в 1908 г. учитель русского языка Н. А. Крачковский за 13 годовых уроков получал жалование в размере 780 руб., учитель математики Е. И. Пораневич за 16 уроков – 960 руб.¹⁹. Материальное положение преподавателей женских гимназий и прогимназий было значительно хуже, уровень их заработной платы зависел от платы за учебу и пособий, выделяемых органами местного самоуправления. Поэтому штаты этих учебных заведений заполнялись по остаточному принципу: педагоги, имевшие высшее образование, рассматривали этот вариант как дополнительный источник доходов или как временное занятие.

Важнейшим проявлением общественно-педагогического движения в России становится создание обществ взаимного вспомоществования. В конце XIX в. в Беларуси также начинают вести деятельность организации взаимопомощи учителей, которые являлись своеобразными профсоюзными органами для оказания в первую очередь материальной помощи всем нуждающимся. В эти общества при поддержке учебного начальства объединялись обычно сельские учителя, являвшиеся наиболее бедным слоем педагогической интеллигенции. Подобные педагогические объединения возникали и в городской среде. Так, 15 мая 1908 г. попечитель Виленского учебного округа утвердил «Устав ссудо-сберегательной кассы служащих в учебных заведениях г. Мстиславля» – мужской гимназии, частной женской гимназии баронессы Пилар фон Пильхау, трехклассного городского мужского и женского приходского училища. Добровольные участники кассы получили право «помещать в ней на сбережение известную долю из своего содержания» и «при временной надобности в деньгах пользоваться ссудами»²⁰.

Значимой льготой для учителей «в силу недостаточности окладов» было право работать по совместительству, которое предоставлялось на основе утвержденных в 1884 г. правил о порядке совмещения государственной службы. Служить в разных учебных заведениях учителям разрешалось только временно, с разрешения учебного начальства, по необходимости и без вреда для основного места работы. Предоставление такой возможности стало в ряде случаев вынужденной мерой: она обеспечивала достаточно гибкое распределение педагогических кадров между правительственными и част-

ными гимназиями, а также женскими учебными заведениями. Кроме этого, с разрешения руководства учебного заведения учителя имели право заниматься репетиторством, т. е. давать ученикам за плату частные уроки.

Уставами средних учебных заведений учителям также разрешалось содержать в своих домах или квартирах за определенную плату иногородних учеников – пансионеров, которые, как правило, являлись детьми состоятельных родителей. Официально это признавалось даже полезным, ибо учащие получали хорошие доходы, не отвлекаясь на поиски дополнительных занятий в других ведомствах, и параллельно занимались воспитанием собственных учащихся в свободное от учебы время. Однако указывалось, что «правом сим не могут пользоваться директоры и инспекторы»²¹.

Всем служащим в государственных учреждениях формально запрещалось участвовать в финансовых и кредитных учреждениях Беларуси, которые стремительно возникали и развивались в русле экономического подъема второй половины XIX в. Но существовала оговорка: возможность такого участия «в хозяйственных делах» для учителей предоставлялась лишь в том случае, если они не принадлежали Министерству народного просвещения, и каждый раз с ведома и разрешения учебного начальства. Конечно, подобная активность учащихся руководством округа вовсе не приветствовалась: учитель должен был целиком посвятить себя учебно-воспитательной деятельности. На основании утвержденных в 1984 г. правил «О порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях», руководство обязано было строго следить, чтобы подобные сторонние занятия учителя не наносили «ущерба служебным интересам и не препятствовали исполнению этими лицами обязанностей их по государственной службе»²².

Определенной привилегией для всех служащих в мужских средних учебных заведениях Министерства народного просвещения с педагогическим стажем не менее 10 лет, в том числе и находившихся в отставке (если они представляли свидетельство о бедности), являлось освобождение их сыновей от платы за учение в мужских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах (стоимость воспитания учащихся составляла 80–100 руб. в год). Это положение было закреплено в уставах средних учебных

¹⁸О составлении списков присяжных заседателей, а также лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу // НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 284. Л. 9–10.

¹⁹Наряд отношениям МНП о доставлении различных сведений и срочных ведомостей, списков служащих гимназии // НИАБ. Ф. 2623. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

²⁰Устав ссудо-сберегательной кассы служащих в учебных заведениях г. Мстиславля // НИАБ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–6.

²¹Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 3 июля 1871 г. // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1983. Т. 11, ч. 1 : Свод уставов учебных и ученых заведений ведомства МНП. С. 245.

²²Циркуляры округа // НИАБ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 126. Л. 12.

заведений²³. В 1873 г. такое же право распространилось и на учительских дочерей. В начале XX в. аналогичную привилегию получили служащие женских гимназий и прогимназий.

Преподаватели имели право получать пенсию по старости и по болезни. Для прослуживших в ведомстве Министерства народного просвещения Российской империи от 20 до 25 лет назначалась пенсия в размере половины оклада, причем она выплачивалась и в том случае, когда учитель продолжал службу. Служащие в других ведомствах таких привилегий не имели. При отставке педагог, имевший трудовой стаж от 10 до 25 лет, получал единовременное пособие в размере годового оклада. Те, кто оставлял службу «по расстроенному совершенно на службе здоровью», получали пенсии в зависимости от количества отработанного времени: прослужившие от 10 до 15 лет получали треть оклада, от 15 до 20 лет – две трети, 20 и более лет – полный оклад. За каждые последующие 5 лет, отработанные свыше 25, назначалась прибавка к пенсии в размере пятой части от полного оклада [10, с. 71–73]. Для тех, кто имел стаж педагогиче-

ской работы 25 лет и более, при выходе на пенсию назначался полный оклад жалованья (в среднем директора получали около 800 руб., инспекторы – 700 руб., учителя – 600 руб.).

В последней трети XIX в. преподаватели женских гимназий, имевшие звание домашних наставниц и наставников, имели право получать пенсию в размере лишь 160 руб. В начале XX в. пособие было повышено: в гимназиях начальницы и главные надзирательницы, имеющие звание домашней наставницы или учительницы, получали 500 руб. в год; надзирательницы, воспитатели, а также преподаватели учебных дисциплин получали по 300 руб. в год. В случае смерти преподавателя пенсии выплачивались вдове и несовершеннолетним детям. Кроме того, при выходе в отставку полагалось единовременное пособие, равное годовому окладу. Следует подчеркнуть, что учителя средних учебных заведений, которые характеризовались достаточно высоким уровнем материального обеспечения, в получении пенсий находились в более привилегированном положении, чем их коллеги, работавшие в начальной школе.

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. в духовно-культурной жизни Беларуси происходили динамичные изменения. Расширение сети общеобразовательных учреждений привело к численному росту учительской интеллигенции. Закономерно встал вопрос о формировании социально-правового статуса преподавателя – главной фигуры средней школы. Штатные учителя гимназий, прогимназий и реальных училищ являлись государственными служащими, чиновниками со всеми вытекающими из этого последствиями. Большинство педагогов имели университетское образование и достаточно высокий социальный статус. Их характеризовало относительно твердое и хорошее материальное положение: учительский труд в средней школе относился к разряду высокооплачиваемых, а также давал определенные социальные гарантии, прежде всего это касалось пенсионного обеспечения, отдыха, льгот на вос-

питание детей и др. Была создана система нормативных отношений, которая определяла круг прав и обязанностей учителей (непосредственно при определении на службу и перемещениях, в учебно-воспитательной деятельности, по отношению к государственным органам, учебному руководству и др.). Преподаватели гимназий, прогимназий и реальных училищ имели гораздо больше прав по сравнению с учителями низших учебных заведений: преимущественно они награждались чинами, орденами и денежными пособиями, имели право на ношение форменной одежды, были в основном освобождены от воинской повинности и др. Вместе с тем осознанное решение посвятить свою жизнь педагогической деятельности, наполненной успехами и трудностями в профессиональном и эмоциональном плане, – это смелый и достойный выбор, характерный для физически и умственно сильных людей, компетентных и преданных своему делу.

Библиографические ссылки

1. Корчинский И. *Личность учителя начальной церковной школы*. Гродно: Губернская типография; 1901. 12 с.
2. Родевич МВ. *Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения*. Санкт-Петербург: Тип. доктора М. А. Хана; 1884. 88 с.
3. Ограничения для лиц, состоящих на службе. В: Фальборк ГА, Чарнолуцкий В. *Настольная книга по народному образованию. 1899–1911. Том 2*. Санкт-Петербург: Знание; 1901. с. 715–1538.
4. Сучков ИВ. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков. *Отечественная история*. 1995;1:62–77.

²³Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного просвещения. 3 июля 1871 г. // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1893. Т. 11, ч. 1 : Свод уставов учебных и ученых заведений ведомства МНП. С. 274.

5. Правила об испрошении Высочайших наград. Извлечения из утвержденных орденов и других знаков отличия. В: Фальборк ГА, Чарнолуцкий В. *Настольная книга по народному образованию. 1899–1911. Том 2.* Санкт-Петербург: Знание; 1901. с. 715–1538.
6. Об увольнении в отпуски, от должностей и от службы. В: Фальборк ГА, Чарнолуцкий В. *Настольная книга по народному образованию. 1899–1911. Том 2.* Санкт-Петербург: Знание; 1901. с. 715–1538.
7. Зубков ИВ. *Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916.* Москва: Новый хронограф; 2010. 528 с.
8. Извлечение из Устава о воинской повинности. В: Фальборк ГА, Чарнолуцкий В. *Настольная книга по народному образованию. 1899–1911. Том 1.* Санкт-Петербург: Знание; 1899. с. 1–713.
9. О принятии в гражданскую службу и определении к должностям. В: Фальборк ГА, Чарнолуцкий В. *Настольная книга по народному образованию. 1899–1911. Том 2.* Санкт-Петербург: Знание; 1901. с. 715–1538.
10. О пенсиях и единовременных пособиях по учебной части министерства народного просвещения. В: Фальборк ГА, Чарнолуцкий В. *Настольная книга по народному образованию. 1899–1911. Том 2.* Санкт-Петербург: Знание; 1901. с. 715–1538.

References

1. Korchinsky I. *Lichnost' uchitelya nachal'noi tserkovnoi shkoly* [The personality of the teacher of primary Church school]. Hrodna: Gubernskaya tipografiya; 1901. 12 p. Russian.
2. Rodevich MV. *Sbornik deistvuyushchikh postanovlenii i rasporyazhenii po zhenskim gimnaziyam i progimnaziyam Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Collection of existing ordinances and regulations on women's gymnasiums and schools of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg: Doctor's M. A. Khan typography; 1884. 88 p. Russian.
3. [Restrictions for persons in the service of]. In: Falbork GA, Charnolusky V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. 1899–1911. Tom 2* [A handbook on public education. 1899–1911. Volume 2]. Saint Petersburg: Znaniya; 1901. p. 715–1538. Russian.
4. Suchkov IV. [Social and spiritual appearance of Russian teaching at the turn of the XIX–XX centuries]. *Otechestvennaya istoriya.* 1995;1:62–77. Russian.
5. [Rules about asking for the Highest awards. Extract from approved orders and other distinctions]. In: Falbork GA, Charnolusky V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. 1899–1911. Tom 2* [Handbook for public education. 1899–1911. Volume 2]. Saint Petersburg: Znanie; 1901. p. 715–1538. Russian.
6. [Dismissal in releases from posts and from the service]. In: Falbork GA, Charnolusky V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. 1899–1911. Tom 2* [Handbook for public education. 1899–1911. Volume 2]. Saint Petersburg: Znanie; 1901. p. 715–1538. Russian.
7. Zubkov IV. *Rossiiskoe uchitel'stvo: povsednevnyaya zhizn' prepodavatelei zemskikh shkol, gimnazii i real'nykh uchilishch. 1870–1916* [Russian teaching: daily life of teachers of Zemstvo schools, gymnasiums and real schools. 1870–1916]. Moscow: Novyi khronograf; 2010. 528 p. Russian.
8. [Extract from the Charter of military conscription]. In: Falbork GA, Charnolusky V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. 1899–1911. Tom 1* [A book on public education. 1899–1911. Volume 1]. Saint Petersburg: Znanie; 1899. p. 1–713. Russian.
9. [About adoption in the civil service and determining the positions]. In: Falbork GA, Charnolusky V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. 1899–1911. Tom 2* [Handbook for public education. 1899–1911. Volume 2]. Saint Petersburg: Znanie; 1901. p. 715–1538. Russian.
10. [About pensions and one-time allowances for the educational part of the Ministry of Public Education]. In: Falbork GA, Charnolusky V. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu. 1899–1911. Tom 2* [Handbook of public education. 1899–1911. Volume 2]. Saint Petersburg: Znanie; 1901. p. 715–1538. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.11.2018.
Received by editorial board 19.11.2018.